УДК 821.161.1

Н.И.Белинская, М.А.Комова

ЛЕГЕНДЫ О ЗНАМЕНИЯХ ОТ ИКОН ПРИ ВЫБОРЕ МЕСТ ДЛЯ ХРАМОВ И ЧАСОВЕН В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: СИСТЕМА МОТИВОВ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Материалом исследования являются региональные литературно-краеведческие произведения XVIII—XIX веков в Центральном регионе России (ранее Орловская губерния). Актуальность исследования определяется возросшим интересом к истории православия и явление духовной литературной традиции в целом. Исследования, основанные на литературном материале региональных сочинений XIX века в Центральном регионе России о местночтимых святынях, позволяют создавать модели их происхождения и функционирования, дают возможность расширить наши взгляды на областной литературный текст и духовном контексте, а также для углубить филологические знания о литературном процессе в конце XVIII—XIX веков. Рассматриваются устойчивые мотивы сказаний об основании монастырей, включающих эпизод чуда от иконы при выборе места для строительства. Выделяются основные мотивы: «живой иконы», остановки в пути, воды, дерева, исцеления, которые имеют как региональное, так и общерусское бытование.

Ключевые слова: сказания об иконах, устное предание, мотив, икона

Легенды о общерусских и местночтимых иконах составляют значительный объем среди произведений позднесредневековой русской книжности [1]. Профессор М.В.Антонова, изучив мотивы сказаний об основании монастырей на примере книжного памятника XVI в. «Сказание о зачатии Свенского монастыря» и устная легенда об основании Тихоновой пустыни в Карачеве, зафиксированное в литературно-краеведческих материалах XIX в., отмечает: «Изначально бытуя в качестве устных рассказов в околоцерковной среде, они могут оформляться и как отдельное повествование или фиксироваться в сочинениях краеведов, исследованиях фольклористов, этнографов, культурологов. Обращение к этому виду памятников культуры в Орловском крае… показало такого рода культурный текст формируется, начиная с древнейших времен, и продолжает существовать и развиваться в настоящее время» [2, с. 89].

Отметим, что мотив чуда от иконы, определившим указанное свыше место, является типичным в письменных сказаниях об основании христианских храмов как в византийской, так и в древнерусской традиции. Эта устойчивая конструкция характерна также для устных повествований о строительстве церквей. В Верхнеокском крае, восточном Подесенье и междуречье Оки и Дона (в границах Орловской губернии) местными краеведами в XIX в. записано несколько десятков подобных устных рассказов о явлении икон, как предвестницах строительства церквей [3]. Таковыми являются, местные сказания Севского уезда об иконе Богоматери Молченской; сказания Трубчевского уезда об иконе Богоматери Чолнской; сказания Брянского уезда об иконе Богоматери Свенской; сказания Мценского уезда об иконе Николы Мценского; сказание Карачевского уезда об иконе Николы Одринского [4].

Материалом для данной статьи являются устные рассказы, зафиксированные в историко-краеведческой литературе XIX в., перешедшие после публикации из фольклорных источников в разряд литературно-краеведческих материалов.

Изучив ряд местных Сказаний о начале монастырей [5], М.В.Антонова выделяет следующие мотивы, связанные с явлением чудотворной иконы, отмечая их как общие и устойчивые [2]:

— мотив «живой иконы».
— мотив движения и чудесной остановки в пути.
— мотив водной стихии (на берегу реки, озера, около источника, колодца).
— мотив древа, горы, столпа (возвышение).
— мотив исцеления.

Рассмотрим группу легенд о явлении местночтимых икон перед постройкой храмов в Верхнеокском регионе, междуречье Оки и Дона и восточном Подесенье, зафиксированных в местных историко-краеведческих сочинениях, на предмет иллюстрации устойчивых сюжетно-повествовательных мотивов и выявления их вариантов, характерных для указанного региона.

Мотив «живой иконы», которая самостоятельно пребывает на место, где позднее основывается храм или часовня. Наиболее ярко этот мотив проявился в «Предании о явлении Чолнской иконы Божией Матери»: икона в челне сама, без лодочника плыла «против течения реки Десны… около того места, где впоследствии был основан Чолнский монастырь» близ Трубчевска. Нашедший икону пастух перенес ее домой и поставил в божницу, но икона необъяснимым образом переместилась уже на пень одного дерева. Только призванный священник смог икону крестным ходом отнести в местный храм. Но на следующий день икона снова переместилась на место своего явления. Знамения прекратились только после устройства часовни, а затем и монастыря на средства князя Трубецкого [6]. Икона сама выбирает место своего пребывания в местном рассказе об иконе Богоматери Скорбящей из часовни деревни Горякиной Дмитровского уезда. После

устройства ямы («копани») для мочения пеньки, копань одного крестьянина была разрушена необъяснимым образом. Другой крестьянин «видел во сне Божию Матерь, в виде иконы Ее Скорбящей, приказывавшую передать тому крестьянину, чтобы он больше не строил копани на прежнем месте, потому что на этом месте должна находиться Ее икона. Этот последний крестьянин передал первому все виденное и слышанное им во сне, но тот не поверил ему и до двух раз начинал делать копань на прежнем месте, однако труды его были напрасны: копань подвергалась разрушению. Тогда из местной церкви взят был образ Скорбящей Божией Матери, вокруг ключа, из которого копань наполнялась водою, сделан был деревянный обруб и с одной стороны его поставлен был деревянный крест, на который был повешен помянутый образ Божией матери… над колодцем была устроена приличная часовня» [7, с. 103]. В легенде об иконе «Большого» или «Старого» Николая Угодника из одноименного храма с. Чернь Кромского уезда рассказывается о явлении иконы на колодце Ассевой лощины около села, после чего икону перемещали в другое село, «но икона опять явилась на прежнем месте. Тогда жители с. Чернь перенесли ее к себе и поставили в часовне, а потом, в начале XVIII в., построили для нее храм» [7, с. 483].

Мотив движения и чудесной остановки в пути. Икона останавливается ранее, не достигнув конечного пункта, определенного ее спутниками, определяя место для храма, часовни или монастыря. Икона Богоматери Печерская (в дальнейшем, Свенская), путешествующая из Киева по Днепру и Десне в Брянск, не достигает города, где ее ожидает больной князь Роман. Икона сама выбирает место будущего храма, а затем и монастыря [8]. Икона Николы Площанского сама путешествует по реке и просит отправить ее в «плосское место», где будет основан храм, а затем Площанская пустынь Севского уезда [9], причем икона путешествует через мценские земли [10].

Мотив водной стихии (берег реки, озера, у источника). Мотив водной стихии часто встречается в группе со стихией огня, камня и относится к древнейшим составляющим мифов творения, т.е. первооснов вселенной. Смысл включения мотива воды заключается в идее преобразования пространства. Ка правильно отмечает М.В.Антонова: «эти образы вкупе (вода и икона) символизируют возрождение и очищение… Мотив водной стизхии чрезвычайно устойчив в русской православной традиции применительно к повествованиям о чудотворных иконах» [2]. Так, в кратком рассказе об иконе св. Тихона Амафунтийского из часовни с. Лужки Дмитровского уезда, записанном в 1905 г., раскрывается мотив явления у источника («на колодце, близ села») [7, с. 133]. В легенде об иконе мучеников Козьмы и Дамиана из церкви с. Пальна Болховского уезда отмечено, что это древняя икона, явившаяся «более 200 лет назад» на так называемом «святом колодце», где был построен первый деревянный храм [7, с. 40]. Местная легенда с. Чегодаево Болховского уезда повествует о древней иконе св. Иоанна Воина, которая «была найдена на берегу Оки, неизвестно в каком году, по всей вероятности, тогда же был построен и первый приходской храм» [7, с. 91].

Мотив древа, леса и горы, камня, т.е. на возвышении. Эта разновидность мотивов связана с идее мирового древа (или первой тверди, возникшей из первых вод). В христианства мотив связан с крестным древом, воздвигнутым на горе и найденным под горой Голгофой, что отражается в мифопоэтических построениях сказаний о чудотворных иконах. В Сказании об иконе Николы Столбовского из Петропавловского храма с. Столбово Дмитровского уезда, явление образа происходит по народной памяти в 1134 (или 1334) г. на дубовом столбе «в Нерусских лесах, невидимою силою Божиею, идеже на том месте и поныне значится каменный столб; и великия от оныя святыя и чудотворныя иконы происходили чудеса: слепые, хромии, прокаженные, бесные и прочие недугами одержимые исцеляхуся, и по ныне с верою приходящие спасаются и от всяких лютых бед и напрасных скорбей избавляются вскоре. И от времени устроися на том месте святем церковь древяная во имя великого чудотворца Николая» [7, с. 101]. В краткой легенде об иконе святителя Николая из одноименного храма села Сомово Карачевского уезда образ «явился на раките, которая росла в том месте, где теперь храм [7, с. 66]. Мотив древа зафиксирован в рассказе и об иконе св. Николы из одноименной церкви с. Работьково: «Первоначальный приходской храм стоял, по преданию, вне села, около 3-ех дубов, на одном из которых некогда явилась икона св. Николая Чудотворца, …по преданию, оставшаяся неповрежденною во время пожара первого храма» [7, с. 100]. Легенда о иконе Богоматери Казанской из одноименной церкви с. Ближнее Гнездилово Болховского уезда рассказывает, что образ был «найден первыми переселенцами на дереве, росшем на месте храма» [7, с. 28]. Икона Богоматери Иверская была обретена на камне на месте будущего одноименного храма [7, с. 247]. В с. Пищулино Елецкого уезда было записано в 1905 г. легенда о явлении местночтимой иконы Богоматери «Живоносный источник» «в лесу, на косогоре в вязовом кусте, откуда пробил ключ чистой воды. Время явления иконы точно неизвестно. Святитель Тихон Задонский. Посетивший Пищулино, приказал устроить на месте явления иконы часовню» [7, с. 319]. Чудотворная икона Георгия Победоносца, найденная, согласно устному рассказу, «у подошвы горы под церковной усадьбой, где тогда же устроена была часовня» в с. Нижний Воргол Елецкого уезда [7, с. 314]. В сказании об иконе Николы Борщевского, образ обнаруживают в зарослях борщевика бортники, собирающие в лесу мед диких пчел [11]. На том месте воздвигается часовня, а затем через много лет основывается Николо-Борщевский монастырь Севского уезда. В устной легенде об иконе Богоматери Казанской, чтимой в часовне близ Успенской церкви села Глыбочки Карачевского уезда, записанном в 1905 г. Икона была специально «вделана в сосну», т.к. первоначально «явилась на пне, сломанной в бурю сосны, у которого открылся источник; над источником была когда-то устроена, по словам старожилов, помещиком Львовым деревянная часовня. В 40 годах во время сильной холеры прихожане с. Глыбочки дали обет устроить вместо старой нынешнюю каменную часовню». Здесь мотив возвышенности дополняется мотивом исцеления [3, с. 77].

Мотив исцеления. В «Сказании о зачатии Свенского монастыря» князь Роман Брянский, потеряв зрение, исцеляется**,** благодаря привезенной из Киева иконе. Он со священниками брянскими встречает икону Богоматери в 1288 г., дает обет построить церковь и, исцелившись, своими руками начинает строить храм [8]. В сказании об иконе Николы Одринского жителя г. Брянска исцеляются от эпидемии и воздвигают храм [9]. Резная икона Николы Мценского в раннем Сказании начала XVIII в. легендарно была обретена в 1415 г. жителями Мценска, чудесно прозревшими после совершения таинства крещения, который затем на месте знаменательного события «создавше церковь десятые недели пятка» [12]. В устном рассказе об иконе Богоматери Иерусалимской из одноименного храма села Петрово Карачевского уезда, записанном в 1905 г. рассказывается о чуде исцеления и последующем устроении храма. Образ случайно был обретен около 1820 г. помещиком в питейном заведении в Москве: «Панина поразило необычайное сияние, исходившее от иконы, он взял ее к себе домой и здесь совершилось чудо: жена Панина, страдавшая падучей болезнью, помолилась перед иконой и получила полное исцеление. В память этого чуда, — говорит предание, — Панин и построил нынешний храм» [7, с. 84].

Мотив огненной стихии. К устойчивым сюжетно-повествовательным мотивам, не отмеченным М.В.Антоновой, но встречающимся в региональных легендах о постройке храмов на месте, указанном иконами, добавим мотив огненной стихии. В устной легенде о местночтимой иконе Богоматери Знамение из одноименной церкви в селе Знаменском Карачевского уезда, записанном в 1905 г., рассказывается о построении храма после одного знаменательного события, случившегося «неизвестно когда». Местный дворянин Воейков, известный безбожник и разбойник, видит «блеск огня перед передними копытами лошади, и он сходит с экипажа. Но вместо огня находит ризе и поднимает икону Знамения Пресвятой Богородицы в серебряно-вызолоченной. Сим чудом пораженный до глубины сердца, Воейков уверовал в Бога и построил в селе первую церковь в честь и славу Божией Матери» [7, с. 31]. В рассказе, записанном в 1905 г., об иконе мученицы Параскевы из одноименной церкви села Пятницкое Карачевского уезда говорится, что это «единственная икона, уцелевшая каким-то образом от пожара деревянной церкви и найденная после пожара вдали от прежней церкви, в крапиве, на том месте, где теперь каменная [новая] церковь» [7, с. 38]. После пожара иконой было определено место для строительства нового храма.

Мотив земли. Редким, но не менее древним устойчивым мотивом, содержащимся в сказаниях о явлении икон и воздвижении церквей, является мотив земли, которая является, также как и вода, древнейшим мифопоэтическим концептом. Сказание об обретении иконы Николая «при распашке земли» в г. Болхове, впервые было записано орловским историком-краеведом П.Г.Пясецким в 1875 г.: «Однажды мужик пахал и выпахал икону св. Николая Угодника. На этом месте и построена церковь, называемая Николо-Пахатная» [7, с. 17].

Отметим, что перечисленные легендарные сказания о явлениях икон как предвозвестии об основании храмов, относят нас к ряду древнерусских и переводных текстов XII—XVII вв. [13]. На такое сопоставление впервые указал известный медиевист В.М.Кириллин. Действительно ряд сказаний и легенд об иконах Центрального региона России сопоставимы с общерусскими сюжетами. С XII в. был распространен первый свод литературных свидетельств о «живой иконе» — Богоматери Владимирской, остановившей повозку и определившей место будущего храма и княжеского града близ Владимира. Византийская святыня — Лиддская (Римская икона) почиталась в Византии. На Руси в конце XIV в. появился первый перевод с греческого повести об этой иконе [14]. Икона Лиддская известна своим явлением нерукотворно на столпе в церкви Богоматери, построенной первоверховными апостолами в г. Лидде (Диосполе), известен был список этой иконы, где Богоматерь изображена на столпе, выполненный для патриарха Германа Константинопольского. Из сказания о Лиддской иконе известно, что она чудесным образом приплыла по воде из Константинополя в Рим. Здесь и мотив движения, воды, стояния на столпе (возвышении), встречающиеся далее, как в общерусских, так и в местных сказаниях. А с середины XVI в. русские читатели знакомятся с историей другой греческой святыни — Иверской иконы Богоматери, которая была сохранена в период иконоборчества, т.к. была пущена в свободное плавание по волнам, но явилась близ Афона в море в виде столпа света, и только отшельник Гавриил Иверский смог ее принять из вод, причем икона сама двигалась к нему, а от других иноков уплывала. Здесь встретился и мотив «живой иконы», и мотив воды, и мотив очищающего света (огня). Затем икона дважды перемещалась из храма на врата монастыря, пока не определила место своего пребывания. «Повесть о Луке Колочском и о иконе Пречистой Богородицы, что в Можайске на Колоче» возникла в XV в., а в XVI—XVII в. она получила общерусскую известность [14], Мотив обретения иконы землевладельцем Лукой «на древе в некоем месте», перемещением ее на дерево у пашни (нивы), затем перенесением в дом Луки, совершение множества исцелений от образа Богоматери, встреча иконы в Москве множеством священства. Затем Лука получает много средств от чествования иконы, возгордился, стал грабить проезжих и развлекаться, но во время игрищ поранил его медведь. Лука покаялся, попросил местного князя поставить на месте явления иконы монастырь и сам в нем принял постриг. Близость мотивов обретения на древе, помещении иконы рядом с пашней, исцеления страждущих, разбойничей жизни и покаяния мы также находим в местных орловских преданиях об иконах. В середине XVI в. на Руси знакомятся со Сказанием об иконе Богоматери Оковецкой-Ржевской [14], которую местные жители находят на сосне в дремучем лесу, а рядом с ней большой железный крест, вставленный в древесину. Икону обрели, последовали исцеления и строительство нового храма в 1540 г. Мотив обретения иконы и совместно с ней большого креста знаком нам по Сказанию о Николе Мценском [15]. Мотив древа

встречается в местных сказаниях также очень часто. В середине XVI в. в Московии распространяется сказание об иконе Богоматери Выдропусской [14]. Икона была унесена из Выдропужска близ Твери муромским воином в качестве военного трофея. Но чудесным образом в вихре она была доставлена обратно в алтарь церкви св. Георгия. Затем икона уцелела в церковном пожаре и была обнаружена ликом вниз под слоем пепла, определив место строительства нового храма, причем «следы огня остались на незначительной части тыльной стороны иконы». Все указанные византийские переводные и общерусские сказания об иконах Владимирской, Лиддской, Иверской, Оковецкой-Ржевской, Выдропусской включены были в обобщающие летописные своды (Лицевой и Никоновский), в частности, в Степенную книгу, в агиографические сборники и были широко распространены в XVI—XVII вв. Именно поэтому на территории бывших южных рубежей Московского государства (междуречье Оки и Дона, Верхнее Поочье, восточное Подесенье) распространены легенды о местных иконах, в которых повторяются мотивы, знакомые читателю по известным общерусским текстам XII—XVII вв.

Все перечисленные сюжетно-повествовательные мотивы характерны для восточногохристианской книжности (в ее византийском и русском вариантах). Они отражают устную традицию легенд и рассказов об обретении икон и строительстве храмов и часовен в честь знаменательных событий, которые были записаны местными историками-краеведами в XIX — начале XX вв.

1. Комова М.А. Жанровая специфика сказаний о чудотворных иконах Верхнеокского региона (в рамках Орловской губернии) // Жизнь провинции: история и современность: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижний Новгород, 2015. С. 209-216.
2. Антонова М.В. Сказания об основании монастырей в региональной и устной традиции: система мотивов // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 7(14). Ч. 1. С. 89-91.
3. Комова М. Иконное наследие Орловского края. М., 2012. 512 с.
4. Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России / Сост. А.Вознесенский, Ф.Гусев. СПб., 1899. С. 290-291, 682.
5. Антонова М.В., Комова М.А. Проблемы текстологии «Сказания о зачатии Свенского монастыря» // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 185-187.
6. Исторические сведения о Трубчевском Спасо-Чолнской монастыре Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. 1875. № 3. С. 156.
7. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I: Болховский-Кромской уезды. Орел: Издание Орловского Церковного историко-археологического общества, 1905. 502 с.
8. Сказание о зачатии Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ Преподобныхъ Отецъ нашихъ Антония и Феодосия Печерскихъ Свинскаго монастыря во граде Брянске, пять поприщъотъ града на низъ Десны реки // Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. XIX. М., 1791. С. 284-293.
9. Пясецкий Г.М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899. С. 125-226.
10. Комова М.А. О списках текста «Сказания о Николе Мценском» // Вестник Псковского государственного университета. 2016. № 3. С. 82-88.
11. Крашенинников В.В. Из истории монастырей Севского уезда в 1620—1760-х гг. // II Тихановские чтения: Материалы краеведческой научно-практической конференции, 12 ноября 2007. Брянск, 2009. С. 131-154.
12. Легенда о крещении мценян // Русская вивлиофика. 1834. Ч. 1. С. 262.
13. Комова М.А. О близости мотивов «Сказания о Николе Новосильском Добром», Проложного Жития Николы Чудотворца и киевского списка жития Николы XIX в. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 252-254.
14. Кириллин В.М. Повесть о чудотворной Казанской иконе Богоматери в свете древнерусской литературной традиции // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 1. С. 150-183.
15. Антонова М.В., Комова М.А. «Сказание о Николе Мценском»: филологический и текстологический анализ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 1. С. 97-99.

References

1. Komova M.A. Zhanrovaya spetsifika skazaniy o chudotvornykh ikonakh Verkhneokskogo regiona (v ramkakh Orlovskoy gubernii) // Zhizn' provintsii: istoriya i sovremennost': Sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Nizhniy Novgorod, 2015. S. 209-216.
2. Antonova M.V. Skazaniya ob osnovanii monastyrey v regional'noy i ustnoy traditsii: sistema motivov // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 7(14). Ch. 1. S. 89-91.
3. Komova M. Ikonnoe nasledie Orlovskogo kraya. M., 2012. 512 c.
4. Zhitie i chudesa Sv. Nikolaya Chudotvortsa, arkhiepiskopa Mirlikiyskogo i slava ego v Rossii / Sost. A.Voznesenskiy, F.Gusev. SPb., 1899. S. 290-291, 682.
5. Antonova M.V., Komova M.A. Problemy tekstologii «Skazaniya o zachatii Svenskogo monastyrya» // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3. S. 185-187.
6. Istoricheskie svedeniya o Trubchevskom Spaso-Cholnskoy monastyre Orlovskoy eparkhii // Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. 1875. № 3. S. 156.
7. Istoricheskoe opisanie tserkvey, prikhodov i monastyrey Orlovskoy eparkhii. T. I: Bolkhovskiy-Kromskoy uezdy. Orel: Izdanie Orlovskogo Tserkovnogo istoriko-arkheologicheskogo obshchestva, 1905. 502 s.
8. Skazanie o zachatii Presvyatyya Vladychitsy nasheya Bogoroditsy i Velikikh" Chudotvortsev" Prepodobnykh" Otets" nashikh" Antoniya i Feodosiya Pecherskikh" Svinskago monastyrya vo grade Bryanske, pyat' poprishch"ot" grada na niz" Desny reki // Drevnyaya Rossiyskaya vivliofika. Izd. 2-e. Ch. XIX. M., 1791. S. 284-293.
9. Pyasetskiy G.M. Istoriya Orlovskoy eparkhii i opisanie tserkvey, prikhodov i monastyrey. Orel, 1899. S. 125-226.
10. Komova M.A. O spiskakh teksta «Skazaniya o Nikole Mtsenskom» // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 3. S. 82-88.
11. Krasheninnikov V.V. Iz istorii monastyrey Sevskogo uezda v 1620—1760-kh gg. // II Tikhanovskie chteniya: Materialy kraevedcheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 12 noyabrya 2007. Bryansk, 2009. S. 131-154.
12. Legenda o kreshchenii mtsenyan // Russkaya vivliofika. 1834. Ch. 1. S. 262.

13. Komova M.A. O blizosti motivov «Skazaniya o Nikole Novosil'skom Dobrom», Prolozhnogo Zhitiya Nikoly Chudotvortsa i kievskogo spiska zhitiya Nikoly XIX v. // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2. S. 252-254.
14. Kirillin V.M. Povest' o chudotvornoy Kazanskoy ikone Bogomateri v svete drevnerusskoy literaturnoy traditsii // Studia Litterarum. 2017. T. 2. № 1. S. 150-183.
15. Antonova M.V., Komova M.A. «Skazanie o Nikole Mtsenskom»: filologicheskiy i tekstologicheskiy analiz // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1. S. 97-99.

Belinskaya N.I., Komova M.A. The legend about signs from the icons in the selection of sites for churches and chapels in Orel province: the system of motives in the context of ancient literary tradition. The research is based on regional and local literary works of the XVIII—XIX centuries in the Central region of Russia (earlier the Oryol province). The relevance of the research is determined by increased interest in the history of the Russian Orthodoxy and the phenomenon of spiritual literary tradition in general. The study based on literary material of regional studies of XIX century in the Central region of Russia about locally venerated relics allows one to create a model of their origin and functioning and gives an opportunity to broaden our views on the regional literary text and spiritual context, and also to deepen philological knowledge of literary process of XVIII—XIX centuries. This article discusses sustainable repeating motives in the stories about the setting up monasteries, including the episode of the miracle-working icons that helped choose a site for a monastery. The main motives are a “living icon”, stopover, water, wood, and healing, which are popular in this region and around Russia as well.

Keywords: legend about icons, oral tradition, motive, icon.

Сведения об авторах. Н.И.Белинская — магистрант теологии, зам директора по культурно-просветительской работе, Орловский объединенный государственный литературный музей И.С.Тургенева; belinskaya.art@yandex.ru; М.А.Комова — кандидат искусствоведения, доцент кафедры религиоведения и теологии, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (ОГУ); mariamna.orel@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.